

Выставка Елены Волковой в Третьяковской галерее

Судьба поросенка

Игорь Чувилин

В Третьяковской галерее открылась выставка Елены Волковой, продолжательницы дела Пиромани и Таможенника Руссо. Один из лучших залов, предназначенных для временных экспозиций, тот самый, где показывали Виктора Попкова, Илью Кабакова, Наталью Нестерову и многих других мастеров, отдан самодеятельной художнице.

В отношении таких авторов, как Елена Андреевна Волкова, давно уже существует путаница названий. «Примитивами» их вроде перестали называть, оставив этот термин за первобытными художниками, «аутсайдеры» закрепились за рисующими людьми с психическими отклонениями, даже «наивность» нигде не обучавшихся, но действующих художников не раз уже подвергалась сомнениям. А потому можно вспомнить определение из советских времен. Если лишить его принудительно-отчетного привкуса тех лет, то «самодеятельный» — как раз то, что надо. Сам делает. Так, как хочет, не спраши-

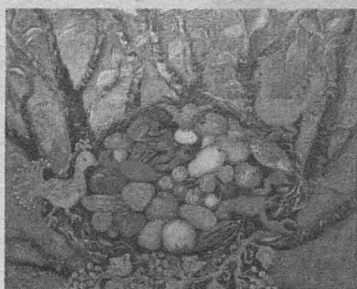

Автопортрет с сыном. 1972

вая, не учась в академиях, даже кисточки да краски сам придумывает — волосков с кошачьего хвоста настрижет, глину с лесными ягодами разотрет — и творит. Сам. По-своему. Елену Андреевну даже на вернисаж привезли несколько кустарным образом — тележка, на какой грузы перемещают, на тележке стул, на стуле 90-летняя бабушка в шубе. Прокатили по длинным, гулким третьяковским залам, сгрузили, посадили среди выставки. Шубейка распахнулась, а под ней — платье, затмевающее яркостью цвета висающие на стенах картины. Саморучно сшитое, конечно.

Их, известных, немного — Павел Леонов, Волкова, да еще Катя Медведева, чье искусство, благодаря раскрученности и востребованности, перешло в формат конвейерного производства. С Леоновым и Волковой такого не произошло. Хотя творчество нынешней экспонентки Третьяковской галереи чем-то похоже на работы Кати Медведевой. Прежде всего благостным настроением, добротой, умилением, способностью видеть рай на земле. Здесь уставшие серые волки ложатся посреди грибов-ягод у Москвы-реки и впадают в раздумье. Здесь столы ломятся от яств, звери улыбаются, а люди нарядны и красивы — все на один какой-то волковский лад.

Начинала она действительно с растертых в глине ягод — этим

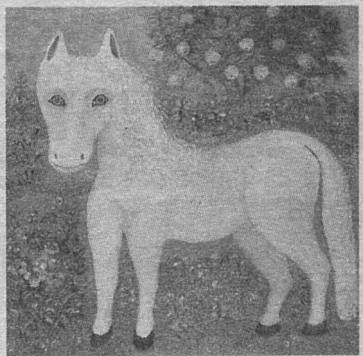

День рождения птенца. 1974

и красила. Рисует с пяти лет, так что художественный стаж небывалый — восемьдесят пять годков. После глины появились, конечно, краски, кисти, а фанерки, оргалиты и картонки недавно заменились холстами. Укладывать краску и добиваться нужного цвета она научилась профессионально. Но главное остается неизменно — это бесконечное лучезарное доверие доброте этого мира.

Однако поражают совсем не львы в обнимку с кроликами или читающие Венеры, а один «Праздничный натюрморт». Во всем умильно-благополучном ряду волковских образов вдруг происходит сбой. На праздничном столе посреди цветов, фруктов, хлеба, грибов и рыбы возлежит зажаренный поросенок. Возможно, тот самый, что беспечно бегаёт в кругу таких же розовых и живых на другом холсте — буквально в нескольких шагах в сторону. На выставке в окружении всяческого живописного зверья с ласковыми глазами факт жареного поросенка кажется почти каннибализмом. Подпись к натюрморту сообщает, что работа «о тех, кто отдал свою цветущую жизнь для продолжения нашей». Дальше — интереснее. Автор посвящает ее «всем погибшим и своему любимому мужу Николаю Ивановичу Волкову, погибшему в боях под Харьковом летом 1942 года». Этот удивительный реквием жизнерадостной расцветки невольно заставляет посмотреть на смерть под нетривиальным углом и оказывается проникнут глубокими христианскими аллюзиями.

На самом деле все звери, фрукты и люди у Волковой полновесны, округлы и полны жизни. Каждая рыбина может начинаться с большой буквы, потому что она архетип — просто Рыба. Так же и со всем остальным — с Женщиной, Мужчиной, Оленем, Арбузом... Они настолько зрелы, наполнены жизнью, что функция жертвенности легко к ним применяется (с незапамятных времен изображениям жертвенных приношений придавали наиболее здоровый и плодородный вид), и в этом качестве все опять органично вливается в общее течение жизни. Напоминание о смерти оказывается всего лишь частью высказывания на тему любви.

Лошадь в Серебряном Бору. 2000